

HEKPOMAHC

OPUS 1

HEKPOMAHC

OPUS 2

Евгения Сафонова

НЕКРОМАНС

ОРИС 2

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Иллюстрации на переплете и в тексте *Полины Граф*

Сафонова, Евгения Сергеевна.

С21 Некроманс. Opus 2 / Евгения Сафонова. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с.: ил.

ISBN 978-5-04-172677-5

Тьма над Керфи сгущается. Чтобы удержать свою власть, королева Айрес готова на все. Другой враг уже добрался к Избранной вплотную. Пока Герберт ищет способ вернуть Еву к жизни, девушка пытается убедить противников королевы действовать сообща. Но могут ли ее слова перечеркнуть десятилетия вражды и непонимания?

Кольцо интриг сжимается все стремительнее. Пьеса подходит к концу. И одним богам известно, какую партию в ней сыграет демон с синими глазами, что следует за Евой по пятам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172677-5

© Сафонова Е.С., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*С благодарностью Наталье Платоновой –
за вычитку,
Ришику – за песню Кейлуса
и Марии Поташковой –
за то, что вернула мне радость созидания;
с любовью ко всем творцам,
спасающим и множащим красоту.*

Opus – лат. *opus*, «произведение».
Обозначение порядкового номера
данного сочинения в списке
(чаще всего хронологическом)
произведений данного автора

ПЕРЕФРАЗИРУЯ СЛОВАРИ

Допускать, чтобы смерть
подкрадывалась к тебе незаметно, —
это не лучшее решение.
С ней надо быть накоротке.
О ней надо говорить:
либо словами, либо —
как в его случае — музыкой.
Джулиан Барнс, «Шум времени»

*После тишины лучше всего
невывразимое выражает музыка.*
Олдос Хаксли

Глава 1

DOLOROSO¹

На дворе медленно гас день, но в небе, ещё светлом, висела луна — бледно-розовая и прозрачная, как истончившийся леденец. Луна Мерки восходила на четверть месяца раз в столетие, и в эти дни она являла людям свой лик задолго до того, как к ней присоединялась луна Мегинум, в голубом свете которой керфианцы привыкли странствовать по ночам.

Сидя в своём кабинете, отодвинув кожаное кресло от столешницы (с годами службы она затвердела так,

---

¹ Горестно, грустно (муз.).

ГЛАВА 1

что тёмный дуб больше напоминал камень), Герберт смотрел на луну. В пальцах, выпачканных чернильной кровью многочасовых трудов, застыла книга для записей, исчерканная формулами до прорех в плотной бумаге; глаза невидяще уставились на розовый круг.

Гербеуэрту тир Рейолю он напоминал циферблат часов, по которым ползла невидимая стрелка, отсчитывая дни, оставшиеся до свершения семисот тридцатого пророчества Лоурен.

— Не выходит? — участливо спросил Мэт, проявляясь в воздухе за письменным столом.

Герберт молчал; посреди стола в медном подсвечнике сиял единственный магический кристалл, и полутьма, разливаясь по комнате, пахла пылью, бессонницей и тщетными усилиями.

— Не расстраивайся. В конце концов, ты сейчас тратишь силы на то, чтобы держать в стазисе целого мёртвого дракона. — Демон вздохнул, скрестив на груди руки, облитые мерцающей звёздной синевой. — Подгадила вам милая тётушка с этим убийством, конечно... Хотя я бы сказал, что удача и так сопутствовала вам неприлично долго.

— Ничего непоправимого не произошло, — в голосе некроманта мёртвые листья шелестели под крадущимися шагами. — Я изначально не рассчитывал, что на момент свершения пророчества дракон будет живым.

— Златовласке это скажи. Только голову береги. Сам знаешь, она у нас отличается забавной привычкой привязываться к разным странным несимпатичным зверушкам... вроде тебя.

Герберт отвернулся. Придвинув кресло к столу, шлёпнул книгу на стол; взяв перо, в сотый раз начал писать неподдающуюся рунную формулу.

Ножки скрипнули по паркету так, словно тонкий голосок ехидно хихикнул, насмехаясь над его неудачами.

— Не тревожит, что твоя любовь всё больше отчаивается, а ты ничем не можешь ей помочь?

DOLOROSO

— А она отчаивается? — не поднимая головы, уточнил некромант.

— Неживой быть невесело, знаешь ли. Пока ты кормишь её одними только обещаниями, а ими вечно сыт не будешь. — Мэт небрежно стряхнул с рукавов невидимые пылинки. — Она, конечно, бодрится как может и лицо старается держать, чтобы тебя не расстраивать, но...

Герберт не ответил. Лишь сидел ещё долго, царапая пером желтоватую бумагу, склонившись над столом так низко, что золотистые пряди почти касались чернильных строк.

Потом, в который раз перечеркнув написанное, швырнул перо перед собой, смазав невысохшие чернила, и открыл нижний ящик стола.

— Я мог бы подсобить с её воскрешением. Мне нетрудно. И цену возьму умеренную.

— Справлюсь своими силами, — сказал Герберт, достав маленькую деревянную табакерку.

— Не совсем своими.

Поставив табакерку рядом с книгой, Герберт откинул резную крышку.

На свету порошок, черневший в лакированной коробочке, едва заметно отливал серебристым. Керфианцы прозвали его «звёздной пылью», хотя, конечно, звёзды тут были ни при чём: порошок этот добывали из цветка, когда-то росшего только в горах, а теперь заботливо культивируемого людьми, которые зарабатывали на этом немалые деньги. Впрочем, говорили, что звёздная пыль может помочь увидеть хоть звёзды, хоть луны, хоть самого Жнеца.

Если промахнуться с дозировкой, вероятность встречи с последним резко увеличивалась.

— Можешь сколько угодно думать, что эта дрянь не вреднее спиртного, которым баловался твой батюшка, но я-то знаю. В прошлый раз тебе повезло. В этот может не повезти, — прочувственно молвил Мэт. — Подумай хорошенько. Вдруг проще договориться... чем делать то, что ты делаешь последние дни.

ГЛАВА 1

— Прочь.

Качнув головой — таким жестом любящий старший брат мог бы прощаться с непутёвым младшим, — демон медленно растаял во мраке, сползавшемся к Герберту из дальних углов.

Смочив палец слюной, Герберт коснулся рассыпчатой чёрной горки. Повернув ладонь, пару секунд смотрел, как стремительно темнеют крупинки, прилипшие к коже.

Последний раз. Это же может быть последний раз, верно? Ему осталось чуть-чуть, чтобы заглянуть за ту грань, где прятался от него правильный ответ. Буквально пара шагов, которые так трудно сделать самому. Гораздо легче, когда тебя не сковывают узкие рамки черепной коробки, когда ты забываешь о существовании невозможного, когда разум словно высвобождается из клетки и летит в заоблачную высь, скрывающую истину, а тело — бесполезный кожный мешок, полный мяса и костей, — перестаёт бесконечно требовать еду, отдых, сон...

Даже если не выйдет сейчас, ночью он попробует снова. И, может, ещё чуть-чуть увеличит дозу.

В конце концов, он увеличивал её уже не раз, и это не привело ни к чему дурному.

— Справлюсь, — повторил Герберт, прежде чем слизнуть порошок с руки.

* * *

Эльен заглянул в «детскую», когда последнее нежное ре «Размышления» Массне ещё не истаяло в жарком блеске рассыпанного по полу золота.

Ре-мажорная тоника, отстранённо думала Ева, широко и бережно ведя смычок в завершающем движении. *Забавно*. Ре мажор звучит в их маленькой сокровищнице — тональность золота для синестетика Скрябина, тональность, в которой старый Барон из «Скупого рыцаря» Рахманинова любовался своими драгоценностями...

DOLOROSO

— Урок танцев, лиоретта, — мягко напомнил призрака, когда в тишине остался лишь один звук: потрескивание негаснувшего огня.

Ева покорно поднялась со стула. Уложив Дерозе в футляр, погладила на прощание яйцо.

— Я вернусь, — зачем-то сказала она, прежде чем вскинуть виолончель на плечо и выйти, плотно прикрыв за собою дверь.

Герберт сообщил, что, если держать яйцо в нужных условиях, маленький дракончик вылупится и без матери. Слабое, но всё-таки утешение. Хотя оно не помешало Еве впасть в истерику — вторую за два дня, — когда некромант принёс весть о гибели Гертруды.

Ева сама удивилась, как эта весть выбила её из колеи. Казалось бы, она знала драконицу всего ничего. И за это «ничего», как выяснилось, успела так к ней прикипеть, что, когда схлынула первая постыдная эмоция — облегчение, что формулировка клятвы не утянула Герберта следом, — расплакалась и самозабвенно наорала на некроманта. Крича, что это их вина, что она знала, что он не подумал...

Тот даже не отпирался. Стоял, опустив руки, опустив голову, такой покорный, что Еве тут же стало стыдно.

«Я виноват, — тихо возразил Герберт, когда она обняла его, бормоча слова извинения, твердя, что он ни в чём не виноват. — И я искуплю вину. Исправлю то, что ещё могу».

Что ж, если они помогут единственному уцелевшему детёнышу Гертруды появиться на свет, вырасти дракончиком, который однажды расправит крылья и взлетит в зовущее его небо, — наверное, это и правда немножко искупит их вину. Так что боль Ева топила в занятиях, до изнеможения отрабатывая двадцать четвёртый каприз Паганини: она загорелась сыграть виолончельное переложение с тех пор, как впервые услышала его в исполнении Йо-Йо Ма. Дома она пару раз едва не переигрывала руки, заучивая вечно фальшивящее

ГЛАВА 1

пиццикато в девятой вариации или проклятые децимы в шестой, но в волшебном мире мышцы — всегда холодные — даже не уставали. А дозанимавшись в своей комнате до ощущения, что пальцы вот-вот начнут кровить, растворив всю тоску в утомлённом отупении, она шла в «детскую» маленького дракончика: надеясь, что песни Дерозе могут хоть немного заменить те песни, что он уже никогда не услышит от мамы.

О том, что услышать маму ему не суждено, Ева рассказывать не стала. Плакать в обнимку с яйцом тоже, хотя хотелось. Оставалось надеяться, что он ещё слишком маленький, чтобы слышать истину в сердцах, как Гертруда.

Прорваться в музыку Ева этой истине не позволяла.

— Эльен, вы знали, что Герберт боится смерти? — спросила она невпопад, следом за призраком возвращаясь в спальню, — страстно желалось поговорить и подумать о чём угодно другом.

Как Айрес могла так поступить? Без раздумий уничтожить то, чего наверняка даже не понимала, чьей красоты наверняка не могла оценить?..

— Странная особенность для некроманта, — откликнулся призрак невозмутимо, учтиво раскрывая перед ней дверь. Ева так и не поняла, был это положительный или отрицательный ответ. — Хотя... ты можешь каждый день иметь дело со смертью других, но твоя собственная продолжит пугать тебя.

— Он слишком много имел дел со скелетами. И слишком мало с живыми людьми. — Вернувшись в свою комнату, Ева опустила футляр с Дерозе на пол и принялась протирать струны и корпус инструмента. В сокровищнице делать это не хотелось — всё равно что выносить закулисные тайны на сцену. — С чего он вообще заперся здесь в окружении одной нежити? Помимо всего, что я уже знаю?

— Двух слуг поймали на шпионаже. Вскоре после гибели его родителей. Одного подкупила королева, другого — лизэр Кейлус. Тогда господин Уэрт решил,

DOLOROSO

что вполне сможет обойтись прислугой, которая точно его не предаст.

Ева лишь нахмурилась, скользя мягкой тряпочкой по лакированному дереву.

— Он так хорошо знаком с последствиями смерти, что теперь для него всё тлен. Суета и пыль. Всё, кроме того, что может его обессмертить. — Закончив с инструментом, она прошлась с чисткой по древку смычка. — А самое обидное, что в чём-то он прав. Я вот тоже боюсь умирать.

— Смерть — естественная часть жизни. То, что придаёт ей смысл. Лишь смерть заставляет нас ценить дарованные нам мгновения.

— Да. Знаю. Слышала. — Убрав смычок на его законное место в футляре, Ева аккуратно опустила крышку, пытаясь не ассоциировать это действие с тем, что совершают на похоронах. — Но всё равно хотела бы, чтобы этих мгновений было как можно больше.

Мысли неумолимо возвращались к Гертруде.

Конечно, странно задаваться вопросом, как королева могла так поступить. Если Айрес хотела во что бы то ни стало предотвратить исполнение пророчества, вполне логично, что следом за обещанной Лоурэн спасительницей она уничтожила и обещанное Лоурэн чудовище. Герберту королева могла говорить что угодно, но Ева была уверена: отправляясь в замок Гертруды, в первую очередь Айрес руководствовалась предсказанием. Чудесно ведь всё складывается: Избранная мертва, чудовище, которое той суждено было прикончить, тоже. Сиди себе спокойно на троне да лелей дальше тиранические планы. А им остаётся лишь осуществить тот план, что Герберт задумал изначально: разыграть спектакль, где мертва не только Избранная, но и убиваемый ею дракон.

Он наведлся в опустевший драконий замок вскоре после празднества, обернувшегося кошмаром. Ныне законсервированное тело Гертруды ждало часа, когда некромантия и иллюзии, дым и зеркала ненадолго

ГЛАВА 1

придадут ему подобие жизни, прежде чем оно упокоится навсегда — на дне озера.

Ева не знала, чего Герберту стоит одновременно поддерживать три стазиса — её, Гертруды и Мелка. Выглядел он в последние дни... не сказать, чтобы плохо, но странно.

— Некоторые вещи просто не созданы для того, чтобы медленно увядать, — проговорил Эльен мягко. — Одни огни загораются, дабы тлеть медленно и долго, тихо согревая тех, кто вокруг. Другие — чтобы прогореть в один миг яркой вспышкой, оставив за собой пламенный след в истории или чьей-то памяти. Не нам судить, почему боги готовят нам столь разное предназначение и столь разные сроки.

— Мы собираемся использовать её тело, Эльен. Гертруды. Поднять её, чтобы я могла «убить» её у всех на глазах. — Ева встала и яростно тряхнула головой. — Это так... мерзко.

Слова вырвались произвольно. Наверное, потому что думать о собственном сроке ей не слишком хотелось. Несмотря на непрошибаемый оптимизм, на котором Ева благополучно дотянула до своей семнадцатой весны, тихий пакостный голосок всё чаще напоминал ей, что формально она составляет Гертруде компанию — и имеет все шансы скоро присоединиться к ней с концами. Если до Евы в ближайшее время не доберётся Айрес, в далёкой перспективе доберётся отчаяние. Она слишком хорошо знала себя, чтобы не понимать: она не сможет вечно жить — *существовать* — как сейчас. Даже долго не сможет.

Забавно: яснее всего осознаёшь, что с твоей жизнью что-то всерьёз не так, когда в попытках отвлечься от невесёлых мыслей приходишь к мыслям ещё менее весёлым...

— Вы слишком много значения придаёте плотским останкам, лиоретта. — Призрак, явно не видевший в этом никакой крамолы, с лёгким осуждением качнул головой. — Все религии проповедуют бессмертие

DOLOROSO

души, но отчего-то придают невероятное значение посмертию тела. Здесь, в Керфи, к смерти относятся так, как и должно к ней относиться. Смертная оболочка — только обёртка. Фантик для души сродни конфетному. Вы некогда говорили, что в вашем мире деяния некромантов мнят надругательством над мёртвыми... Но ведь мы просто бережём фантик вместо того, чтобы выбрасывать его, позволяя бесполезно и бесславно пропасть. Даём ему выполнять то же, что он выполнял, пока суть его была в нём. Разве это не дань уважения к тому, кто всё равно уже нас покинул? Я лично ни капли не возражал бы, если б сейчас в кухне трудился и мой скелет, будь он к тому пригоден. И не думаю, что возражала бы ваша драконица. — Взгляд призрака будто касался щеки тёплой ласковой ладонью. — Ей это тело всё равно уже ни к чему. Если оно может оказать кому-то добрую услугу вместо того, чтобы истлеть... Помочь изменить этот мир к лучшему, помочь спасти чужие жизни... Разве не лучше использовать его с пользой?

Лучшая слышанная мною речь в защиту посмертного донорства, подумалось Еве саркастично.

— А вы, Эльен? — спросила она то, что интересовало её уже давно. — Почему вы решили остаться здесь не только телом, но и душой? Или вам не оставили выбора?

— Оставили. — Дворецкий, усмехнувшись, повернулся к ней, чтобы невесомой рукой слегка погладить по волосам. — А что бы вы с господином Уэртом сейчас без меня делали?

Эта ласка, и взгляд, и тон слишком напомнили ей папу, где-то за гранью другого мира наверняка оплакивающего уже второго потерянного ребёнка.

Не выдержав, Ева обняла призрака за талию, уткнувшись лбом в полупрозрачный бархат сюртука на его плече. Странное это было ощущение... Будто утыкаешься в пышные шифоновые оборки, под которыми скрыто холодное стекло. Но когда Эльен при-